

После того как Чжун Ху ушёл, в доме пришлось собирать ещё один узелок, ведь теперь и Су И должен был выйти в море. Заботу о Чжун Хане не на кого было оставить, поэтому решили отправить его жить на лодку семьи Тан. Раньше их лодки стояли рядом: если чего не хватало, можно было просто протянуть руку. А теперь расстояние стало больше, и пришлось обо всём подумать заранее. По крайней мере, взять пару сменной одежды, чтобы Сяо Цзай не оказался без смены, если вдруг испачкается.

— Додо тоже пойдет с тобой, — напомнил Су И, — завтра утром скажи брату, пусть перенесёт его кровать и миски для еды и воды.

Он вздохнул и похлопал себя по лбу - всё время казалось, будто что-то забудет. Повернувшись, он увидел Чжун Ханя, всё ещё держащего в руках глиняную куклу и тканевого тигрёнка, и спросил:

— Хочешь взять с собой игрушки? Выбери те, что тебе нравятся, и положи в сумку.

Чжун Хань ничего не ответил. Он крепко прижал игрушки к груди, сел на корточки и стал царапать пальцем доски пола. В голове у него не укладывалось, как всё так резко изменилось: сначала он думал, что брат уйдёт в море, а он останется с невесткой и будет вместе с ним присматривать за домом. А теперь вдруг и брат, и его невестка уходят, а ему остаётся только собирать свои пожитки и идти жить к тётке.

— Это он капризничает, — шепнул Чжун Мин Су И, склонившись к нему. — С детства такой: если уж надуется - не плачет, не буянит, просто молчит и дуется, будто рыбка-ёжик.

Су И молча взглянул на него: ну как можно сравнивать родного младшего брата с колючей ядовитой рыбой?

Чжун Мин приподнял бровь, дал понять, что Су И может продолжать собирать вещи, а сам подошёл к брату и, скопировав его позу, тоже сел на корточки:

— Не хочешь к тёте?

Чжун Хань покачал головой. Он понимал, что дело не в том, что он не любит тётку, просто лодка тёти всё же не дом. А его собственный дом ему куда роднее и ближе. Он также знал, что по-другому быть не может, выбора нет. Поэтому, вдоволь поцарапав пол пальцем и утерев ставшие влажными глаза, он вдруг всей головой уткнулся в грудь старшего брата, голос у него при этом прозвучал глухо и приглушённо:

— Тогда, брат, ты с невесткой возвращайтесь поскорее. А когда приедете, привези мне красивые ракушки и морских звездочек. Я повешу их у себя на стену.

— У тебя на стене уже целая гирлянда висит, ещё вешать хочешь? — Чжун Мин ущипнул брата

за щёчку. Но, получив обиженный, полный укора взгляд, тут же сдался и поспешно сменил тон: — Ладно-ладно, привезу, привезу. Стены всё равно пустые, чем больше красивых ракушек, тем лучше.

Чжун Хань недовольно сморщил нос и фыркнул в знак протеста, но щека-то всё ещё была зажата в братской ладони, так что вышло у него скорее забавно, чем сердито. Чжун Мин не удержался и расхохотался.

Чжун Хань тотчас вспыхнул, вывернулся и, застучав босыми пятками, подбежал к Су И с жалобой:

— Брат всегда меня обижает! Плохой он!

Су И, конечно, уже слышал весь их разговор и тайком посмеивался. Но сейчас ради Чжун Ханя он сделал строгое лицо и подыграл:

— Верно. Не будем с ним разговаривать.

А потом только и успел, что кинуть на Чжун Мина выразительный взгляд: мол, хорош дразнить, знай меру.

Поздно вечером, когда всё было уложено, они вернулись в спальню. На столике осталась одна горящая свеча. Су И склонился, проскользнул в полог кровати, расправляя постель, и с лёгкой укоризной сказал Чжун Мину:

— Вот ты сам посуди. Всё дразнишь Сяо Цзяя, доводишь до обиды, а потом сам же и бегаешь его успокаивать. Зачем себе лишние хлопоты?

Он потянулся за аккуратно сложенным одеялом, встряхнул его и начал расправлять, одновременно продолжая разговор:

— У всех старших братьев, наверное, характер такой. А как отцом станешь, боюсь, тоже каждый день буду доводить ребёнка до слёз.

За его спиной вдруг появился Чжун Мин, тёплые руки протянулись вперёд и легли на живот Су И. Тот был вынужден отпустить одеяло и выпрямиться. Он тут же пожалел, что сказал лишнее, и почти наверняка знал, что собирается сказать муж.

— Я ведь каждый день мечтаю стать отцом. Когда мой милый супруг наконец исполнит моё заветное желание? — пробормотал Чжун Мин прямо ему на ухо.

Су И отвернулся, положил свою ладонь поверх его и, мягко отодвигая, тихо сказал:

— Завтра вставать рано.

Он боялся, что у Чжун Мина снова вспыхнет желание. Стоило только начать, этот человек мог до утра быть полон сил и страсти, а ему, Су И, оставались только мутная голова, ноющая спина и слабость во всём теле. Лучше уж предотвратить, чем потом расхлёбывать.

— Я ничего такого не собирался... просто обнять тебя хотел, — сдержанно проговорил Чжун Мин, обнимая его в тишине. Некоторое время он просто стоял так, а потом отпустил. Переехав в новый дом, он и вправду старался изо всех сил, только вот до сих пор их с Су И малыш никак не хотел заселиться в этот уютный животик.

Рано или поздно - не важно. Главное, чтобы малыш захотел прийти в этот мир. А уж если придёт, Чжун Мин точно вложит всю душу, чтобы стать самым лучшим отцом.

—

За полночь, когда прошла половина часа Инь (около 3:30 утра), в единственном доме на сваях у берега зажёгся свет. Время поджимало, поэтому варить кашу было некогда. Чжун Мин вскипятил воду, закинул в неё пучок рисовой лапши, а затем, когда она сварилась, быстро смешал с домашним соусом из гребешков.

Су И, всё ещё сонный, плеснул на лицо прохладной воды, чтобы взбодриться, и, собирая волосы в хвост, заглянул в маленькую комнату разбудить Чжун Ханя. Когда он вышел, рядом семенила фигурка с взъерошенной головой, зевая без перерыва. Су И повёл Сяо Цзяя умываться и, пока тот чистил зубы, успел аккуратно причесать.

Встали они слишком рано, аппетита особо ни у кого не было. Если в обычные дни одной кастрюли лапши не хватало, то сегодня как раз уложились - съели всё до последней ниточки.

Позавтракав, Чжун Мин взял в руки узлы с вещами и первым спустился, чтобы оттолкнуть лодку от берега. Су И же остался, чтобы вместе с младшим братом запереть дверь их дома.

Спустя мгновение их лодка причалила к лодке второй тётушки. Чжун Чунься уже тоже проснулась ни свет ни заря - она приняла у них и ребёнка, и кошку, успокоив молодых супругов:

— Вы уж не волнуйтесь, обо всём позабочусь. Вы оба ведь впервые выходите ловить дайюй, — напомнила она, — смотрите по сторонам, учитесь у других. Полдня понаблюдаете, и всё поймёте.

Раньше Чжун Мин не ходил, потому что, как говорили, занимался "непутёвым" делом, а Су И просто не выпадал случай. Теперь оба синхронно закивали, словно клюющие зёрна цыплята.

Чжун Чунься усмехнулась, поглядывая на Чжун Мина:

— Смотри-ка ты какой сегодня покладистый. Видать, доволен, ведь в море идёшь с фуланом. Уж постарайся позаботиться об А-И, на море всё же ветер, сырость, и еда на скорую руку. Заболеет - сам потом пожалеешь.

Су И даже не знал, что сказать, только опустил глаза, ведь, если уж на то пошло, возможно, именно он радовался больше всех. У всех есть личные желания, и у него тоже. Раз Сяо Цзай не хотел расставаться с братом, то и он сам тем более не хотел расставаться с мужем.

Если бы он озвучил эти слова, точно бы сгорел от стыда, поэтому Су И оставил радость при себе, тайно лелея её в сердце. Он прекрасно понимал, что возможность пойти с мужем в море выпала ему исключительно благодаря тому, что вторая тётка согласилась присмотреть за младшим братом. Он уже было хотел поблагодарить, но пара слов благодарности вызвала у Чжун Чунься только недовольство:

— Чего ты мне как посторонней говоришь, а? — отмахнулась она, затем глянула на небо. — Время уже поджигает, плывите, догоняйте остальных. Раньше отправитесь - раньше вернётесь. Счастливого пути и попутного ветра!

Чжун Хань, держа в руках свой узелок, провожал брата с невесткой. А когда лодка скрылась из виду, он вернулся в каюту и, смахнув несколько слезинок, от усталости завалился на циновку и быстро уснул. Чжун Чунься не стала его тревожить. Раз все мужчины дома ушли в море, торговлю свежими морепродуктами на рынке пришлось временно свернуть. Прикрыв вход в каюту, она тоже прилегла отдохнуть.

— Та, что стоит на носу лодки - это четвёртая тётка, — объяснял Чжун Мин на ходу, — та, в тёмно-синей рубашке - это жена Шестого дяди-гуна, а тот гер - фулан двоюродного брата Цуньфу. Они поженились в начале года, раньше нас, но он младше тебя по возрасту.

Он указал на троих, а потом ещё на двух. Всего в этот раз от разных семей было выделено шесть человек для работы на засолке: четыре женщины и два гера.

Издали завидев лодки своих сородичей, Чжун Мин как заботливый муж поспешил дать Су И короткий «инструктаж». Ведь с этими несколькими родственниками они обычно почти не общались, и Су И, кроме того дня, когда на свадьбе разносил вино, едва ли видел их вблизи.

Су И и правда помнил их весьма смутно. Род Чжун - большой и многолюдный клан, и хотя формально все приходится друг другу двоюродными и троюродными родственниками, на деле всё выходит так, как гласит старая поговорка: «один двоюродный брат - три тысячи ли расстояния». Иногда на дороге встретишь и не узнаешь. Хотя, конечно, сегодняшние спутники были не настолько дальние родичи, все же жили в одном заливе, просто родственные связи у них были чуть менее близкие, чем у, скажем, Чжун Шоуцая и его жены Бай Янь. Порядок обращения в роду тоже был невероятно запутан - Су И слушал, ничего не понимая.

Чжун Мин сам со вздохом признал, что и он уже не всё в этом понимает. Он просто с детства запомнил, как обращаются к кому двоюродные тётки и дяди, и теперь сам повторяет.

— Да запоминать имена и не надо, — подмигнул он. — Там только один младше тебя, остальных всех можно смело звать «невестка» и не ошибёшься.

Су И внимательно выслушал и постарался всё запомнить, немного успокоился и, попрощавшись с мужем, зашагал к лодке сопровождения. Он поднялся на палубу и со всеми по очереди поздоровался. Женщины и другие фуланы встретили его очень тепло, на лицах были улыбки, все дружелюбно и с ноткой сердечности называли его «брат И».

Су И не стал задумываться о том, как раньше относились к нему эти люди. Он прекрасно понимал, что ему по-настоящему повезло, ведь его муж, бесспорно, один из самых способных и уважаемых мужчин в заливе. Теперь, выйдя замуж, он стал частью новой семьи, и никто больше не смел показывать им пренебрежение. С не слишком близкими родственниками ему хватало одного: делать свою часть работы добросовестно и не мешать другим. Все здесь, на воде, трудились не покладая рук, ленивые и праздные на такое дело просто не подписались бы. А если повезёт встретить кого-то вроде сестры Бай Янь, с кем можно и душой отдохнуть, то еще лучше.

Чжун Мин проводил взглядом супруга, постоял у борта, глядя на лодку для засолки, и только потом отвёл глаза.

Вскоре, пока ночь ещё не совсем уступила место рассвету, в тишине раздалось несколько сигналов раковин - долгих и коротких. Десятка полтора рыбацких лодок начали расходиться в стороны, оставаясь при этом на безопасной дистанции друг от друга, все держали курс за судном, на котором плыл старейшина Шестой дядя-гун.

Когда небо на востоке стало светлым, словно брюхо у рыбы, флот добрался до подходящего места для заброса снастей. Приманку - нарезанную заранее рыбу - подвесили ещё по пути. Чжун Мин и его дядя со стороны второй тётки работали в паре: каждый взял по буйку, и вместе они начали спускать длинные шнуры с крючками в воду.

У рыбы-сабли есть свои строгие часы кормёжки, ни слишком рано, ни слишком поздно ловить её нельзя. Но с шестым дядей-гуном, который для рода Чжун служил настоящим «якорем» и опорой, всё проходило по чётким правилам, не было места промаху.

После того, как снасти для донной ловли были спущены в воду, рыбаки поднимали их каждые два часа, проверяя улов. Но и в промежутках никто не сидел без дела - уж раз вышли в море, почему бы не закинуть мелкие сети в другом направлении? Что-нибудь да попадётся.

Вода была полна снастей - тут и крючки, и сети, а ещё стояла зимняя стужа, так что у Чжун Мина и мысли не возникло лезть в воду. Он забросил небольшую сеть и стал ждать. Когда небо совсем прояснилось, он с Чжун Ху и Чжун Шитоу перебрался на одну лодку и стал ловить кальмаров.

Ловлю кальмаров в народе прозвали «выдёргиванием кальмаров». Она велась с удочкой, на крючок которой насаживали резную деревянную приманку в виде креветки. Время от времени надо было дёргать удилице, чтобы заставить приманку двигаться, будто живая, это привлекало кальмаров. Стоило леске натянуться, значит, кто-то схватил наживку. Если повезёт, то за каких-то пятнадцать минут рядом с бортом можно было вытащить десяток-другой особей.

Чжун Мин немного половил кальмаров и вдруг ему ужасно захотелось позвать своего супруга повеселиться вместе. Но, взглянув на лодку для засолки, он заметил, что там все заняты: фигуры мелькают туда-сюда, каждый в делах. Он даже не смог встретиться глазами с Су И, и, вздохнув, отказался от своей затеи.

Наловив двадцать кальмаров, Чжун Мин поднял сеть - внутри оказалось два краба с узором, напоминающим орхидею, и десяток другой разной рыбы - крупной и мелкой. Видно было, что без погружения в воду и подводной охоты вся надежда лишь на удачу и погоду, заработать одними сетями на жизнь было ох как непросто.

Мелкую рыбёшку он отложил в отдельное ведро - позже засолит и дома из неё сделает рыбный соус. Два краба с орнаментом пошли в особую корзинку. До следующего подъема длинной донной снасти он вновь по кругу чередовал заброс сетей и удочку с приманкой для кальмаров, и улов с каждым разом рос.

Когда пришло время поднимать снасть, раздался знакомый гул раковины. Лодки с обеих сторон начали подтягивать буйки и медленно сходятся к центру. Затем стали аккуратно вытягивать длинную верёвку.

Рыба-сабля, как и следует из названия, имела вытянутое, тонкое, приплюснутое тело с заострённой головой. Она напоминала блестящую ленту без чешуи, вся гладкая, с зеркально-серебристой кожей, словно отполированной до блеска.

Когда рыбы-сабли только выныривали из воды, их тела, сверкая на солнце, казались зеркальными, можно было различить в них собственное отражение. Это зрелище было поистине завораживающим, словно не от мира сего. Ни капли не напоминало унылый, потускневший вид израненной рыбы, лежащей на прилавке.

Зимняя ловля рыбы-сабли - одно из самых завораживающих зрелищ на море. По мере того, как рыболовные крючки один за другим вытягивались из глубины, вся морская гладь вспыхивала колышущимися серебряными отблесками, будто иней, будто выстроенные в ряд клинки.

Су И и плывущий с ним на одной лодке Бинь-гер, оба впервые ставшие свидетелями подобной картины. Они замерли, позабыв о работе, и с восхищением уставились на переливающееся море.